

система» семантико-словообразовательная категория имеет свой особый, «замкнутый» комплекс связей и отношений (семантического и формально-го характера), установление и объяснение которого само по себе теоретически значимо. Уяснение связей и отношений внутри «подсистемы» семантико-словообразовательной категории может помочь пониманию принципиальных отношений, основных линий взаимодействия между словообразованием и лексикой.

Таким образом, объединение всех возможных путей изучения применительно к каждой группе производных, а затем и концентрация всех полученных выводов способны приблизить лингвистику к знанию лексико-семантических рефлексов словообразования.

Литература

1. Ермакова О.П. Лексическое значение производных слов. М., 1984.
2. Кадькалова Э.П. Лексические значения производных слов // Русский язык в школе. 1972. № 5.
3. Кадькалова Э.П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.
4. Кадькалов Ю.Г. О семантической дифференциации словообразовательных моделей одной словообразовательной категории: имена существительные со значением отвлечённого признака // Семантика языковых единиц. М., 1994. Ч II.
5. Черепанов М.В. Динамика семантической структуры производных глаголов // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Р.Х. Хайруллина, Р.А. Пожидаев
*Башкирский государственный университет,
Московский государственный
педагогический университет*

ОТФРАЗЕМНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ФОНОВОЙ ТЕОРИИ

Единство лексико-фразеологической системы языка базируется на едином семантическом континууме, или семантическом пространстве, представляющем результаты познания мира человеком, носителем языка. Формирование значений слов, формирование семантики их производных, устойчивые обороты, включающие в качестве компонента эти слова, пословицы и поговорки, художественные тексты – все они объединены общим лексическим фоном как хранилищем общечеловеческих и национальных культур. А это означает, что только с использованием лингвокультурологических и когнитивных подходов можно дать исчерпывающий анализ современного языкового содержания.

В последние десятилетия появился ряд исследований, в которых делаются попытки обнаружить культурную обусловленность языка в самом зна-

чении лексических единиц, выделить так называемый «культурный» компонент значения, открыть лингвистическую природу «фоновых знаний».

Общим «лексическим фоном» обладают слова с фоновыми значениями, их производные, фразеологизмы, включающие эти слова в качестве компонентов, пословицы и поговорки, различные клише, крылатые выражения и т.д.

Большой научный вклад в исследование социальной природы содержания семантики слова, в разработку теоретических аспектов проблемы «язык и культура» внесли ученые-лингвисты Р.А. Будагов, Ю.Д. Апресян, Н.Г. Комлев, О.С. Ахманова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Н. Телия, В.М. Мокиенко и другие.

Наиболее ярко кумулятивная функция языка проявляется в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена категориями материального мира, социальными факторами (экстралингвистическими факторами). Существование тех или иных лексических единиц объясняется практическими потребностями людей в разных сферах их жизнедеятельности.

Связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на лексическом и фразеологическом уровнях (См.: Ю.Д. Апресян,

Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Р.Х. Хайруллина, З.З. Чанышева). В лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа; большое число пословиц, поговорок отражают специфические национальные черты, обладают той языковой образностью, которая корнями уходит в историю народа, его быт, обычаи, традиции.

Большой интерес вызывает словообразовательный потенциал фразеологических единиц (далее – ФЕ), выступающих логической, смысловой, а иногда и формальной мотивирующей базой для новых слов. С одной стороны, сам фразеологизм генетически мотивируется лексическими значениями компонентов свободного словосочетания, к которому оно семантически восходит. Например, семантика компонента фразеологизма **волынка** как лексемы базируется на фоновых знаниях о характере ее звучания – «издает протяжные, заунывные, монотонные звуки», что послужило семантической мотивацией переносного значения. Описание техники игры на волынке – **тянуть волынку** – стало базой для образного обозначения затягивания дела и перешло в разряд устойчивых единиц. С другой стороны, фразеологическая единица, аккумулирующая культурный опыт (игра на музыкальном инструменте), в языковой практике еще более сжимается, образуя глагол **волынить**, семантика которого синонимична семантике фразеологизма.

Таким образом, можно говорить о двоякой мотивации глагола – от имени существительного и от фразеологизма, в состав которого оно входит в качестве компонента.

Русские фразеологизмы достаточно часто выступают мотиваторами новых слов, и в частности глаголов, хотя от них могут образовываться и слова других частей речи.

Например: *бить челом – челобитная, руки прикладывать – рукоприкладствовать, собаку съесть – насобачиться* (жаргонное), *тянуть канитель – канителиться, сто чертей – осточертеть, шапками закидать – шапкозакидательство* и другие.

В отдельных случаях сама мотивирующая база – фразеологическая единица – может перейти в пассивный состав языка, устареть, а его производное активно функционирует в языке. Тогда общие фоновые знания носителей языка как бы стоят за производным словом.

Так, производный глагол *опростоволоситься* в свое время был образован от словосочетания *простые волосы*, то есть волосы, не укрытые платком. До сих пор в русском языке существует слово *простоволосая*. Знания о русской традиции – замужней женщине на людях нельзя было появляться без платка, головного убора, это считалось зазорным, неприличным и расценивалось как нарушение норм домостроя – фигурирует в произведениях народного творчества, в художественной литературе (ср. М.Ю. Лермонтов. Песнь про купца Калашникова). Именно культурологическая мотивация помогает объяснить формирование значения глагола *опростоволоситься* – оказаться в неловком положении, опозориться, допустить промах, ошибку.

Словообразовательный потенциал фразеологических единиц характеризуется наличием своих словообразовательных моделей, частеречной принадлежностью производных от устойчивых единиц слов.

В отфраземном словообразовании можно выделить 2 подтипа мотивационных отношений между производящим и производным:

1. опосредованную мотивацию (*собаку съесть – собака – насобачиться, гнуть горб – горб – горбатиться*), когда в роли семантической базы производного слова выступает сама ФЕ, а существительное-компонент фразеологизма, закрепляя его образное значение, формально становится производящим в процессе деривации. В семантике слова, например, *горб* нет значения «работать, выполнять тяжелую физическую работу», а в производном глаголе она есть (схема 1).

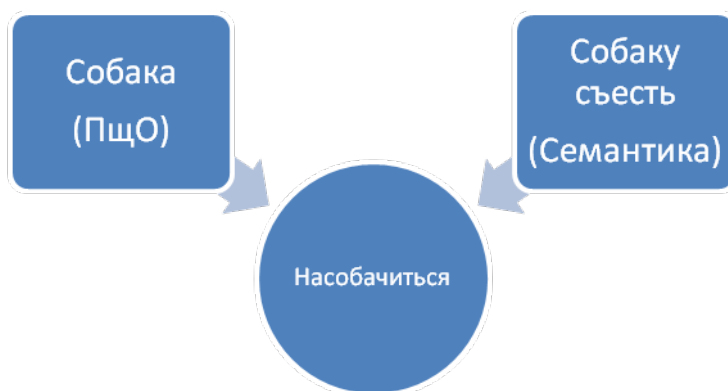

Схема 1

2. двунаправленную мотивацию (*тянуть волынку – волынка – волынить, тянуть канитель – канитель – канителиться*). В данном случае семантика деривата может формироваться как на основе семантики формально мотивирующего новое слово существительного, так и аккумулятировать переносно-образное значение ФЕ (схема 2).

В данном случае трудно определить первичность формирования наследуемой производным словом семантики, поскольку можно говорить как о переносном значении существительного, так и о фразеологически связанном его значении внутри словосочетания. Например, у слова *канитель* есть переносное значение «делать что-либо медленно, с ненужными проволочками», которое было мотивировано фоновыми знаниями о технике изготовления серебряных и золотых нитей из проволоки. *Тянуть канитель* – это описание данной техники.

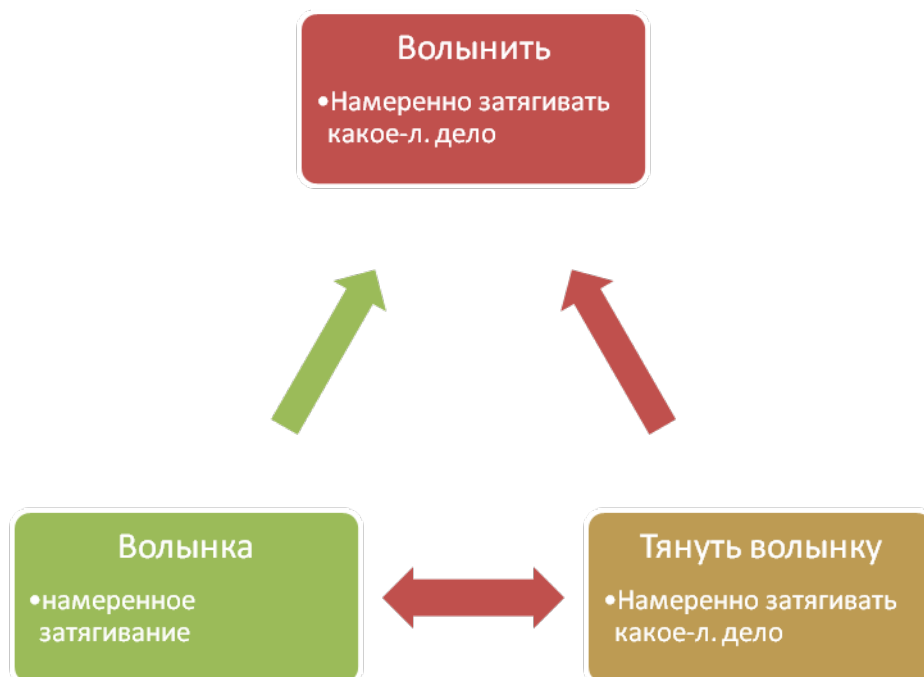

Схема 2

Производные от фразеологических единиц слова могут быть по своей словообразовательной структуре простыми и сложными.

Например: *канителиться, волынить, горбатиться, насобачиться* – простые слова, *осточертеть, челобитная, рукоприкладствовать, опростоволоситься, горемычный* – сложные слова. В зависимости от словообразовательной структуры производных различны и способы словообразования. Простые производные обычно образуются суффиксальным, глаголы – и суффиксально-постфиксальным способами, сложные же слова чаще всего образованы сложносуффиксальным способом, и в их состав в качестве базы входят оба компонента фразеологической единицы, мотивирующей производное слово.

Таким образом, словообразовательный потенциал русских фразеологизмов еще раз подтверждает тезис о наличии в русском лексико-фразеологическом фонде общего семантического континуума, сформированного в ходе культурно-исторического развития русского народа.

С.Е. Родионова

Башкирский государственный университет

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ
И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Явление интенсификации давно вызывает интерес исследователей. Сам факт того, что интенсивность можно считать категорией – «одной из познавательных форм мышления человека, позволяющей обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Кубрякова и др. 1996: 45], – не вызывает сомнения исследователей. Количественное изменение признака в языковых единицах разного уровня интуитивно ощущается любым носителем языка (ср.: *важный – сверхважный, ветер – ураган, хороший – изумительный, длинный – очень длинный, похож – похож как две капли воды* и т.п.). Значение интенсивности здесь накладывается на уже имеющиеся смыслы, модифицируя их. Лингвистический анализ подобного явления привел Ш. Балли к заключению, что «под термином *интенсивность* следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли 1961: 202]. Опираясь на его идеи, большинство современных исследователей принимают широкое понимание *интенсивности* как количественного изменения признака, не влекущего за собой его перехода в другое качество, «уровня развития признака в рамках данной меры, не влекущего за собой изменение данного качества» [Шейгал 1981: 13]. Нам представляется, однако, что такое определение не помогает понять специфику именно интенсивности, ее отличия от, например, меры признака, градуальности и других подобных категорий, не объясняет причину столь широкого использо-